

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Пензенский
государственный
университет»
(ФГБОУ ВО «ПГУ»)

«Утверждаю»

Проректор по научной работе и
инновационной деятельности ФГБОУ ВО
«Пензенский государственный
университет», доктор экономических наук,
профессор

(С.М. Васин)

2024 г.

О Т З Ы В

ведущей организации Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пензенский государственный университет» на диссертацию Бурцевой Виктории Васильевны по теме: «Искусственное прерывание беременности в контексте реализации репродуктивного права женщины: уголовно-правовой аспект проблемы», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

Репродуктивные права женщины являются одним из самых политизированных. На протяжении не одного столетия можно наблюдать различные дискуссии о их месте в системе прав человека, допустимых ограничениях и запретах. Искусственное прерывание беременности в системе репродуктивных прав для Российской Федерации имеет особое значение. Советская Россия стала первым государством мира, где были легализованы аборты по желанию женщины. Тем самым провозглашалась свобода угнетенных женщин от эксплуатация со стороны мужчин. Уже в 1936 году был введен запрет. Искусственное прерывание беременности допускалось в крайнем случае, лишь как спасение самой матери. В 1955 году запрет был отменен. В этот период сложилось двойственное отношение к искусственному прерыванию беременности. Законодательство не закрепляло право женщины на аборт. Закон РСФСР «О здравоохранении» от 29 июля 1971 года, практически систематизировавший законодательство в этой сфере, вообще не упоминал искусственное прерывание беременности, закрепляя

лишь туманную фразу: «В целях охраны здоровья женщины ей предоставляется право самой решать вопрос о материнстве» (статья 66). При этом статистика указывала на то, что именно аборт становился одной из распространенных форм регулирования рождаемости. В течение последних двадцати лет было много сделано для того, чтобы преодолеть эту тенденцию. Во всей истории указанного вопроса большое значение имела уголовно-правовая политика. Но если ранее она играла значимую роль в обеспечении запрета, то сейчас видится иная задача: обеспечить с помощью уголовного права как общественные интересы, так и права женщины при осуществлении своего репродуктивного выбора. Этот аспект по ряду причин остается вне пристального внимания ученых-правоведов. Это создает существенные пробелы, нуждающиеся в своем анализе и разрешении. Это указывает на высокую степень актуальности диссертации Бурцевой Виктории Васильевны.

В диссертации выделены объект, предмет, цели, задачи. Автор указывает, что основная цель работы заключается в разработке теоретической модели уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины в контексте проблемы искусственного прерывания беременности.

На основе поставленной цели диссертантом был решен ряд конкретных задач, которые вытекают из актуальности темы диссертации. Они определяют структуру и содержание работы, обуславливают выводы, имеющие как теоретическое, так и практическое значение. Положения, выносимые на защиту, отражают поставленные диссертантом задачи, в полной мере соответствуют им. Содержание диссертации отвечает заявленной теме.

При проведении диссертационного исследования использован инструментарий общенаучных и частнонаучных методов, включая методы: догматический, герменевтический, формально-логический, системный, структурно-функциональный, формально-юридический, историко-правовой,

сравнительно-исторический, сравнительно-правовой, конкретно-социологический, правового моделирования и др.

В.В. Бурцевой используется богатый нормативный и эмпирический материал – различного уровня нормативные правовые акты, статистические данные правоохранительных и судебных органов, обширная судебная практика (как российская, так и зарубежная). Это способствует всестороннему пониманию конкретных проявлений рассматриваемых теоретических положений.

Научная новизна диссертации определяется тем, что впервые в уголовно-правовой науке создана теоретическая модель уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины в контексте проблемы искусственного прерывания беременности, содержащая обоснование и разработку системы специальных уголовно-правовых норм, способных обеспечить эффективную охрану данного конституционно значимого объекта.

Наличие **научной концепции** подтверждается современной методологией исследования, богатой эмпирической базой, анализом значительного числа научных источников (в том числе зарубежных).

Наиболее значимые достижения в научной сфере заключаются в следующем:

- представлена авторская концепция репродуктивного права женщины;
- выделены различные аспекты искусственного прерывания беременности с позиции репродуктивного права женщины;
- показана связь реализации репродуктивного права с этическими установками, религиозными нормами репродуктивного поведения;
- проведена периодизация уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины;
- раскрыто содержание демографической политики для создания эффективного механизма уголовно-правовой защиты репродуктивного права женщины;

– установлена специфика уголовно-правовой охраны столь чувствительной сферы как регулирование искусственного прерывания беременности;

– представлены основные подходы уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины за рубежом;

– сформулированы конкретные рекомендации о совершенствовании уголовного законодательства (предлагается ввести в Уголовный кодекс РФ специальную главу 16¹ «Преступления против репродуктивного права женщины»).

Автор применительно к теме исследования анализирует такие общие категории, как «репродуктивные права человека», «репродуктивное право», «право на репродуктивный выбор», «репродуктивное здоровье», «право на аборт» и др.

Теоретическая ценность диссертации дополняется и ее **практической пользой**. Содержащиеся в ней **предложения и конкретные рекомендации** могут служить основой для совершенствования уголовного и иного отраслевого законодательства России, охраняющего и регулирующего репродуктивное право женщины. Автор обоснованно предлагает внести дополнения в Уголовный кодекс РФ в виде главы 16¹ «Преступления против репродуктивного права женщины» (представлены содержательные характеристики новых составов преступлений); и внести изменения в Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», что будет способствовать реализации репродуктивного права женщины и минимизировать негативные аспекты криминализации потенциальных противоправных деяний. Результаты и выводы, приведенные в диссертации могут использоваться в работе правоприменителей по реализации уголовной ответственности за преступления, посягающие на репродуктивное право женщины в свете проблемы искусственного прерывания беременности. Кроме того, их можно

задействовать в процессе преподавания уголовного права, криминологии, конституционного права и других юридических дисциплин.

Результаты предпринятого автором исследования достаточно полно отражены в содержании диссертации, а также в научных публикациях. Отметим, что по теме диссертации опубликовано 9 статей, из которых 4 – в журналах из списка ВАК при Минобрнауки России.

В главе I диссертант рассматривает теоретические и религиозно-нравственные основы искусственного прерывания беременности в контексте реализации репродуктивного права женщины, определяя при этом понятие репродуктивного права женщины и способы его реализации, выделяя искусственное прерывание беременности как способ реализации репродуктивного права женщины. Достаточно подробно исследованы религиозно-нравственные основы реализации женщиной репродуктивного права в контексте проблемы искусственного прерывания беременности. Обратим внимание на значимый методологический посыл, сформулированный в диссертации, что в современной России запрет аборта не является инструментом демографической политики (существование большого числа медицинских учреждений, как частных, так и государственных, гарантирует каждой женщине беспрепятственную возможность проведения искусственного прерывания беременности). Таковыми инструментами выступают меры поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, что находит закрепление в Основном законе Российской Федерации.

Глава 2 раскрывает зарубежный опыт решения уголовно-правовой проблемы искусственного прерывания беременности в контексте реализации репродуктивного права женщины. За основу классификации компаративистского исследования взято классическое разделение стран по правовым семьям – романо-германская, англо-саксонская, отдельно выделен опыт стран постсоветского пространства.

Глава 3 «Искусственное прерывание беременности в контексте реализации репродуктивного права женщины: российский подход к решению уголовно-правовой проблемы» посвящена таким аспектам, как искусственное прерывание беременности в контексте реализации репродуктивного права женщины: российский исторический опыт решения уголовно-правовой проблемы; искусственное прерывание беременности в контексте реализации репродуктивного права женщины: проблемы современного российского уголовного законодательства и пути их решения.

В диссертации имеется 7 приложений, в которых представлены проекты федеральных законов, мониторинговые итоговые исследования, результаты социологических опросов и другая информация, подтверждающая научность и достоверность положений, выносимых на защиту.

В то же время, как и любая творческая работа, диссертация В.В. Бурцевой содержит ряд положений, вызывающих неоднозначную оценку.

1. На с. 40 автор указывает на отсутствие на федеральном уровне обязательного предабортного консультирования. Действительно, Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» прямо не предусматривает такой вид консультирования. В то же время Форма информированного добровольного согласия на проведение искусственного прерывания беременности по желанию женщины (утверждена Приказом Минздрава России от 07.04.2016 г. № 216н) предусматривает обязательные мероприятия: УЗИ органов малого таза, при котором продемонстрирован эмбрион и сердцебиение, консультация психолога, информирование врачом-акушером-гинекологом. Целесообразность дублирования правил на уровне федерального закона сомнительна.

2. На с. 40-48 автор приводит различные мнения об использовании категории «право человека» применительно к вопросу об искусственном прерывании беременности. Часть исследования достаточно информативна.

При этом автор уклоняется от собственного понимания свободы женщины самостоятельно решать вопросы материнства. Данная свобода носит емкий характер. В центре же дискуссий «об абортах» всегда выступает формулировка такого права человека, как право на аборт. Следует согласиться, что данный аспект один из самых сложных. Именно он поляризует общественные дискуссии. При этом есть радикальные сторонники противоположных позиций, которые отметились различными противоправными мероприятиями. Понимая чувствительность заявленной сферы, автору необходимо (хотя бы тезисно) высказать свою позицию о наличии (или отсутствии) права женщины на аборт. От этой отправной точки во многом зависит и криминализация возможных действий как женщины, так и медицинского работника.

3. На с. 70 автор приводит опыт Германии в регулировании искусственного прерывания беременности с помощью мер уголовно-правовой охраны. Необходимо отметить, что подобная модель провозглашения аборта противоправным, но при наличии определенных обстоятельств ненаказуемым деянием характерна для многих стран. Далее в диссертации приводятся аналогичные примеры из зарубежного законодательства. Подобный подход имеет особое методологическое значение, тем самым отменяя любые дискуссии о наличии права на искусственное прерывание беременности. Законодатель изначально заявляет, что аборт – преступление, но при наличии определенных обстоятельств наказание не последует. Более того, подобный подход характерен для иных сфер соприкосновения биомедицины и права. Следует ли Российской Федерации идти подобным путем? Какие риски и перспективы у такого подхода? Автору следует обозначить свое мнение по данным вопросам.

4. На с. 170 автор приводит мнение Г.Б. Романовского: «почему же эмбриону (плоду), который не может существовать вне организма матери и самостоятельно функционировать, не обеспечить право на рождение и не создать максимальную защиту его права на жизнь в период

новорожденности?» (Романовский Г.Б. Гносеология права на жизнь. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 15). В контексте данной цитаты следует указать на развивающуюся технологию создания искусственной матки (искусственной плаценты). Эксперименты с млекопитающими показывают положительный результат. Уже сейчас прогнозируется, что созданные аппараты смогут создать искусственную среду для вынашивания плода человека, начиная с 20-й недели внутриутробного развития. Конечно, пока рано рассуждать о перспективах эктогенеза, но некоторый «маячок» в этом направлении уже дает небольшой свет. Если развитие науки будет продвигаться и дальше (что бесспорно), то это приведет к полному пересмотру репродуктивных прав женщины, а значит и возможности искусственного прерывания беременности. Это трансформирует также и уголовное законодательство. В.В. Бурцевой следует прокомментировать подобный футурологический прогноз, перспективы его влияния на российское уголовное законодательство.

5. В качестве дополнительного предмета для обсуждения с учетом изучения диссертантом религиозных канонов, посвященных репродуктивным правам женщины, следует обратить внимание на знаковое Окружное послание Папы Иоанна Павла II епископам, священникам и диаконам, монахам и монахиням, верным мирянам и всем людям доброй воли о ценности и нерушимости человеческой жизни, озвученное 25 марта 1995 г., именуемое «*Evangelium Vitae*» («Евангелие Жизни»). Представители Католической Церкви и Русской Православной Церкви по многим вопросам имеют общую этическую оценку. Есть ли различия при оценке искусственного прерывания беременности? Следует дополнить, что Католическая Церковь активно ведет себя в процессе формирования этических норм, созданы научные центры биоэтики, которые формируют повестку общественных дискуссий, принимают различные заключения, участвуют в деятельности советов при различных национальных и международных институтах. Надо ли русской Православной Церкви

активнее себя вести в этом этико-правовом поле репродуктивного выбора человека?

Приведенные замечания не умаляют общих достоинств представленной работы. Автореферат отражает основные положения и выводы диссертации, содержание опубликованных работ соответствует содержанию диссертации.

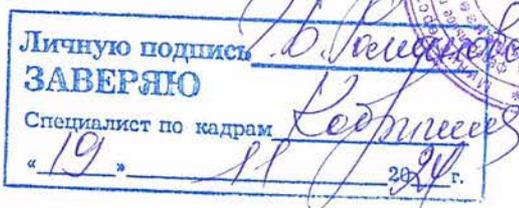
Оценивая диссертационную работу, можно сделать вывод о том, что она выполнена на актуальную тему, представляет собой законченное научное исследование, содержит решение значимых уголовно-правовых вопросов, возникающих в ходе раскрытия различных проблемных аспектов искусственного прерывания беременности в контексте реализации репродуктивного права женщины. Диссертация В.В. Бурцевой является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи – определение содержания, значения и признаков уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины в контексте проблемы искусственного прерывания беременности, что имеет существенное значение для развития уголовного права.

Диссертационное исследование отвечает критериям, содержащимся в абз. 2 п. 9 и иных пунктах раздела II Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а также научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Автор работы – Бурцева Виктория Васильевна – заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Отзыв подготовлен заведующим кафедрой «Уголовное право», доктором юридических наук, профессором Г.Б. Романовским, обсужден и одобрен на заседании кафедры «Уголовное право» ФБГОУ ВО «Пензенский государственный университет» 19 ноября 2024 года (протокол № 4).

Заведующий кафедрой «Уголовное право»,
доктор юридических наук, профессор

Г.Б. Романовский

Адрес: Россия, 440026, г. Пенза, ул.Красная, 40
Тел.: (841-2) 666001; Факс: (841-2) 643271
e-mail: rector@pnzgu.ru;
URL: http://www.pnzgu.ru

Сведения о ведущей организации:

1. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный университет»; ФГБОУ ВО «ПГУ»
2. Россия, г. Пенза, ул. Красная, д. 40
3. Почтовый адрес: 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40;
тел.: (8412) 66-60-01;
адрес электронной почты: rector@pnzgu.ru;
официальный сайт: <https://pnzgu.ru/>

4. Основные публикации работников ведущей организации по теме диссертации за последние 5 лет:

1. *Капитонова Е.А.* Правовой статус неродившегося ребенка: новый подход к определению // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 4 (52). С. 70-79.

2. *Романовский Г.Б.* Правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий // Биомедицинское право в России и за рубежом. М.: Проспект, 2019. С. 171-219.

3. *Романовский Г.Б., Романовская О.В.* Правовое регулирование биомедицинских технологий в Российской Федерации // Биомедицинское право в России и за рубежом. М.: Проспект, 2019. С. 28-51.

4. *Живодрова Н.А.* Социально-правовая регламентация искусственного прерывания беременности // Эпомен. 2020. № 46. С. 155-165.

5. *Romanovskiy G.B., Romanovskaya O.V.* Human rights and modern biomedicine: problems and perspectives // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25, № 1. С. 14-31.

6. Репродуктивные права: правоотношения, регулирование, защита: монография / Н.А. Подольный, Г.Б. Романовский, И.Г. Гаранина [и др.]. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2021. 181 с.

7. *Романовский Г.Б.* Право на здоровье и право на охрану здоровья в международном и национальном праве // Гражданин и право. 2021. № 5. С. 3-14.

8. *Безруков А.В.* Конституционно-правовые основы уголовной политики современной России // Философия, социология, право в системе обеспечения национальной безопасности: матер. всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.Е. Шинкевич. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022. С. 80-84.

9. *Живодрова Н.А.* Проблемы уголовной ответственности за незаконное прерывание беременности // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23, № 3 (89). С. 265-272.

10. *Капитонова Е.А.* Ограничение права женщины на аборт по генетическим показаниям как средство защиты права нерожденного ребенка на жизнь // Генетические технологии и медицина: доктрина, законодательство, практика: монография / отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушкова. М., 2022. С. 224-235.

11. *Рыжова О.А.* Освобождение от уголовной ответственности в контексте современной уголовной политики // Права человека и экстраординарные правовые режимы: сб. ст. по матер. V всерос. науч.-практ. конф. (17 июня 2022 г.). Пенза: Изд-во ПГУ, 2022. С. 115-119.

12. *Пискунова В.В., Рыжова О.А., Шерстнева А.В.* Уголовная политика государства и ее влияние на институт наказания (по материалам Уголовного кодекса РСФСР, Уголовного кодекса РФ) // Вестник Пензенского государственного университета. 2023. № 4 (44). С. 86-90.

13. *Романовский Г.Б.* Правовое регулирование в сфере биомедицины в Германии: общий обзор // Медицинское право. 2024. № 2. С. 40-43.

14. *Романовский Г.Б., Романовская О.В.* Право и современная медицина: проблемы и перспективы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 1 (69). С. 96-110.

В Диссертационный совет 24.2.390.03
на базе ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104

ОТЗЫВ
официального оппонента Нуркаевой Татьяны Николаевны
на диссертацию Бурцевой Виктории Васильевны
«Искусственное прерывание беременности в контексте реализации
репродуктивного права женщины: уголовно-правовой аспект
проблемы»

Представленная диссертационная работа выполнена Бурцевой Викторией Васильевной на кафедре уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Тема настоящего диссертационного исследования весьма **актуальна**. Охрана материнства и детства является важнейшей составляющей государственной политики страны, что определено статьей 38 Конституции Российской Федерации. Реалии времени таковы, что сегодня Россия переживает не самые лучшие времена, характеризующиеся серьезной убылью населения страны в связи с известной пандемией и ее последствиями, а также продолжающейся третий год специальной военной операцией на Украине. На этом фоне повышение рождаемости в обществе и обеспечение с этой целью мер социальной поддержки семьям со стороны государства по праву объявлено стратегической задачей обеспечения национальной безопасности России.

Реальным показателем результативности политики государства в этой области является желание женщины рожать детей. И хотя, как отмечено в диссертации, в этом направлении в последние годы наблюдаются некоторые положительные тенденции (количество абортс постепенно сокращается), все же их число по - прежнему остается довольно высоким.

Вопросам охраны семьи и репродуктивного здоровья женщины посвящена глава шестая Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Согласно закону российские женщины вправе сами принимать решение о рождении ребенка либо об искусственном прерывании беременности, однако последнее законодательно ограничено рядом условий. В случае незаконного проведения искусственного прерывания беременности предусмотрена административная или уголовная ответственность, что отражено в п.8 ст. 56 вышеназванного ФЗ.

Однако если обратиться к отраслевому законодательству, то на сегодняшний день ответственность за незаконное прерывание беременности предусмотрена лишь статьями 6.32. КоАП РФ и 123 УК РФ. Их анализ позволяет сделать вывод, что действующая редакция названных статей

вызывает больше вопросов с точки зрения их законодательной регламентации и практики применения.

Кроме того, постановка в диссертации вопроса об уголовно-правовой охране репродуктивного права женщины соответствует закреплённому на законодательном уровне (ст. 2 УК РФ) концептуальному положению об охране прав и свобод человека, к числу которых общепринято относить и репродуктивное право. Свидетельством актуальности данной проблемы являются и предпринятые ранее в доктрине уголовного права попытки других авторов рассматривать репродуктивную сферу как объект уголовно-правовой охраны (монографии В.Н. Дядюн 2016г.; Г.Б. Романовского 2016г. и др.), однако на законодательном уровне пока ничего не меняется.

С учетом сказанного считаю, что обращение Бурцевой Викторией Васильевны к настоящей теме диссертационного исследования весьма своевременен и актуален.

По своей структуре работа состоит из введения, трех глав, включающих в себя семь параграфов, заключения, списка используемых источников и приложений. Поскольку основной упор в названии темы сделан на искусственном прерывании беременности в контексте проблем, возникающих при обеспечении репродуктивного права женщины уголовно-правовыми средствами, то само повторение словосочетания *«искусственное прерывание беременности»* в названии всех трех глав меня не смутило. Логика и последовательность изложения материала также не вызывает возражений. Вместе с тем следует обратить внимание на некорректность формулировки темы диссертации, о чем будет сказано ниже в разделе замечаний.

Объект и предмет исследования. *Объект исследования* в диссертации определен как общественные отношения, складывающиеся по поводу искусственного прерывания беременности в контексте *реализации* репродуктивного права женщины и его уголовно-правовой охраны.

Полагаю, что эта формулировка несколько шире *заявленной темы и предмета исследования*, который по словам самого же диссертанта составляют понятия и категории, связанные с *уголовно-правовой охраной* репродуктивного права женщины и искусственным прерыванием беременности (*с. 8 дис.*). Кроме того, в качестве объекта исследования следовало бы указать и само *репродуктивное право женщины* как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны.

С учетом поправок, *объектом* исследования является репродуктивное право женщины и общественные отношения, возникающие в связи с нарушениями этого права в процессе и (или) по поводу искусственного прерывания беременности, а также необходимость обеспечения этого права уголовно-правовыми средствами.

Цель диссертационного исследования, состоящая в разработке теоретической модели уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины в контексте решения проблем, связанных с незаконным

искусственным прерыванием беременности, в целом Викторией Васильевной достигнута путем последовательного решения обозначенных задач.

Обоснованность и достоверность научных положений, выводов и предложений определяется *методологией и методикой исследования*, а также *нормативной, теоретической и эмпирической базой исследования*.

Методологическую основу диссертационного исследования составляет всеобщий диалектический метод познания. Наряду с ним использованы общенаучные и частнонаучные методы: догматический, герменевтический, формально-логический, системный, структурно-функциональный, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, конкретно-социологический, правового моделирования и др.

Нормативная база исследования включает в себя Конституцию РФ, международно-правовые документы, Уголовный кодекс РФ, иное отраслевое законодательство России, современное уголовное законодательство отдельных зарубежных стран трех правовых систем: англосаксонской, романо-германской и стран постсоветского пространства, а также уголовное законодательство России досоветского и советского периода в части темы исследования.

Теоретическую основу диссертации составили многочисленные труды из разных областей знаний, в частности: уголовного права, криминологии, медицины, религиозные труды, а также работы зарубежных авторов по исследуемой проблеме. Вместе с тем, поскольку объектом исследования является репродуктивное право как важная составляющая личных прав и свобод человека, то в перечень работ, составляющих теоретическую основу диссертации, следовало включить труды в области истории и теории прав человека, конституционного права.

Достоверность выводов диссертационного исследования обеспечена также *эмпирической базой*, включающей в себя: 1) статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России за 2011-2023 гг.; 2) статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2011-2023 гг.; 3) материалы 30 судебных решений и постановлений, связанных с защитой и охраной репродуктивного права женщины, вынесенных судами общей юрисдикции и мировыми судьями Кабардино-Балкарской, Удмуртской, Чеченской республик, республик Коми и Крым, Алтайского, Пермского, Ставропольского, Хабаровского краев, Волгоградской, Московской, Самарской, Саратовской, Свердловской областей за 2015-2023 гг.; 4) опубликованные материалы зарубежной судебной практики, в частности, Королевского суда Англии и Уэльса, Верховного суда США (*с. 102-107 дис.*); 5) результаты анкетирования: 57 ученых-юристов Саратовской государственной юридической академии, Пермского государственного национального исследовательского университета, Российского государственного университета правосудия, занимающихся проблемами уголовного права и криминологии (*приложение № 4*), 76 сотрудников следственного управления Следственного комитета РФ

по Саратовской области (*приложение № 5*), 57 женщин, проживающих в Волгоградской и Липецкой областях (*приложение № 7*); б) результаты интервьюирования священнослужителей Свято-Введенской мужской обители (с. Оптина пустынь Калужской области) и храма Преподобного Сергия Радонежского (с. Большая Поляна Тербунского района Липецкой области) (*приложение № 6*).

Полагаю, что незначительное количество изученных судебных решений (30 дел в 14 – ти регионах России за 9 лет) объективно связано с тем, что ст. 123 УК РФ применяется крайне редко, это подтверждается приведенными на с. 144 - 145 диссертации статистическими данными и свидетельствует о проблемах применения данного состава преступления, в том числе о несовершенстве его законодательной конструкции. А вот количество респондентов (особенно женщин) по проведенному диссертантом социологическому опросу следовало бы увеличить.

Научная новизна работы определяется достижением *цели исследования* и состоит в том, что в доктрине уголовного права *впервые* разработана и представлена авторская теоретическая модель уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины; предложена система специальных уголовно-правовых норм, призванных обеспечить охрану и защиту этого значимого объекта.

Новизна диссертационного исследования нашла свое проявление также в новизне положений, выносимых на защиту, многие из которых заслуживают внимания и поддержки (о чем будет сказано дальше).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты дополняют и развивают уголовно-правовую доктрину, рассматривающую репродуктивное право женщины как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны. Научные положения и выводы автора стимулируют исследовательский интерес к проблеме уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины и человека в целом и могут быть использованы в дальнейших теоретических разработках в области уголовно-правовой охраны человека, его прав и свобод.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования выводов и предложений диссертанта в законотворческой работе в качестве основы для совершенствования уголовного и иного законодательства России, охраняющего и регулирующего репродуктивное право женщины; в правоприменительной деятельности, а также в учебном процессе юридических вузов при преподавании уголовного права, криминологии, конституционного права и других юридических дисциплин.

Апробация результатов диссертационного исследования. Судя по публикациям, Виктория Васильевна занимается этой проблемой довольно длительный период времени. За период с 2016 по 2024 г.г. ею опубликовано 9 работ (общий объем 3,5 а.л), из них 4 изданы в рецензируемых научных

журналах, входящих в перечень ВАК при Минобрнауке России. Все публикации выполнены единолично и равномерно распределены по годам.

Вышесказанное позволило автору сформулировать выводы и предложения, большинство из которых характеризуются новизной, нашли отражение в положениях, выносимых на защиту, и заслуживают поддержки.

1. Полностью поддерживаю позицию Виктории Васильевны, которая опираясь на теорию конституционного права и основные международные документы в области прав человека, рассматривает репродуктивное право женщины как важную составляющую личных прав и свобод человека. Не вызывает возражений и *авторское* понимание репродуктивного права, реализация которого осуществляется женщиной не только путем планирования беременности и рождения детей, но и путем искусственного прерывания нежелательной беременности, совершенного в рамках закона (*п. 1.1, 1.2 положений, выносимых на защиту, с. 12 дис.*).

2. Весьма важным в диссертации является исследование религиозно-нравственных подходов основных мировых религий (христианство, ислам и буддизм) к вопросу искусственного прерывания беременности, что способствовало автору принять и использовать некоторые духовно - нравственные постулаты при разработке теоретической модели уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины, в частности, при обосновании уголовной ответственности за понуждение женщины к искусственному прерыванию беременности (*п. 1.3 положений, выносимых на защиту, с. 12, 19 дис.*).

3. *Вторая* глава диссертации (три параграфа) посвящена исследованию зарубежного опыта в сфере уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины, что позволило автору выявить и сформулировать рекомендации по совершенствованию действующего отечественного уголовного законодательства. Отмечу те моменты, которые считаю нужным *поддержать*:

а) полагаю, что такое серьезное внимание изучению данного вопроса вполне оправдано, поскольку многие выводы диссертации сделаны на основе в том числе обобщения законодательного опыта зарубежных стран и легли в основу предложенной соискателем теоретической модели уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины в России (*с. 16-20 дис.*).

б) не вызывает возражений и *вывод* Виктории Васильевны о том, что в вопросах уголовно-правовой охраны репродуктивного права (в частности, касающего права женщины на искусственное прерывание беременности) существуют разнообразные подходы стран как в рамках различных правовых систем, так и одной правовой системы (*с. 117 дис.*). Иначе говоря, не прослеживается прямой зависимости между принадлежностью государства к той или иной правовой системе и решением рассматриваемого вопроса. Поэтому попытка автора выявить общие закономерности и на этой основе систематизировать уголовное законодательство зарубежных стран в

зависимости от подхода каждой страны к обеспечению репродуктивного права женщины, с одной стороны, вполне понятна, но с другой, в предложенной классификации допущены отдельные противоречия и неточности, о чем будет сказано ниже.

в) несомненный интерес в познавательном плане вызывает представленная в работе зарубежная судебная практика на высшем уровне стран англо-саксонской правовой системы (с. 102-107 дис.).

4. Следует согласиться с выводами Виктории Васильевны о том, что отечественное уголовное законодательство, начиная с Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., неоднозначно подходило к решению вопроса об уголовно-правовой охране репродуктивного права женщины, что, в свою очередь, было обусловлено рядом существовавших в обществе и государстве проблем экономического, демографического и социального плана (с. 136 дис.), а также, что уголовное законодательство первых лет советской власти (УК РСФСР 1922 и 1926 г.г.) выгодно отличалось своим подходом к обеспечению репродуктивного права женщины путем установления запрета на искусственное прерывание беременности *без согласия женщины* (с. 13, 135 дис.), что несомненно заслуживает внимания с точки зрения совершенствования действующего законодательства.

5. Полностью поддерживаю основную идею диссертации о необходимости уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины. Этот вывод обусловлен, *во-первых*, приоритетной политикой государства, нацеленной сегодня на обеспечение повышения рождаемости в обществе и социальную поддержку семей, имеющих детей; *во – вторых*, опирается на историю отечественного уголовного законодательства, которое в определенные периоды своего развития по – разному подходило к решению этой проблемы; *в-третьих*, опирается на международно-правовую практику и позитивный зарубежный законодательный опыт в этой области (с. 151-152 дис.).

6. В развитие вышеназванной идеи новым и достаточно аргументированным представляется вывод Виктории Васильевны о необходимости дополнить Особенную часть УК РФ главой 16¹ «Преступления против репродуктивного права женщины», что позволит рассматривать соответствующие общественно опасные деяния прежде всего как посягательство на репродуктивное право женщины (с. 16 – 20 дис.). Отмечу лишь: учитывая, что понятия «репродуктивное право женщины», «репродуктивное здоровье женщины», «жизнь и здоровье женщины» тесно взаимосвязаны между собой, это позволяет говорить о выделении в рамках главы 16 УК и его видового объекта - жизнь и здоровье - параграфа, охватывающего собой преступления против репродуктивного права женщины». Предложение о выделении параграфов как дополнительного структурного компонента при построении Особенной части УК РФ в доктрине уголовного права имеет место и высказывается с целью упорядочения законодательного материала, что представляется весьма

разумным. (См.: Голенко Д.В. *Концептуальные основы построения Особенной части российского уголовного закона: автореф. дис. ...доктора юрид. наук. Самара. 2024*).

7. Следует поддержать и предложение автора о криминализации ряда общественно опасных деяний в рамках главы 16¹. Наиболее удачным представляется установление уголовной ответственности за искусственное прерывание беременности без согласия беременной женщины (ст. 125²) и за понуждение женщины к искусственному прерыванию беременности (ст.125⁴).

8. В развитие права на информирование считаю важным предложение Виктории Васильевны о том, что принятию решения женщиной об искусственном прерывании беременности должно предшествовать проведение с ней психологом медицинской организации либо врачом акушером-гинекологом преабортного консультирования, закрепив это положение в ч.1 ст.56 ФЗ от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Вслед за диссертантом, полагаю, что это в определенной мере будет являться сдерживающим фактором при принятии беременной женщиной необдуманного решения о совершении аборта. Тем более, что такая практика уже существует и хорошо зарекомендовала себя в отдельных регионах страны (в частности, в Волгоградской области) (с. 40-41 дис.).

Разделяя многие выводы и предложения диссертационного исследования Виктории Васильевны, в то же время считаю необходимым обратить внимание на ряд спорных либо слабо аргументированных позиций диссертации.

1. Обращает на себя внимание некорректность сформулированной темы диссертации. В частности, вряд ли правильно говорить об уголовно-правовом аспекте *реализации* репродуктивного права женщины, ибо реализация данного права (как правильно отмечает сам соискатель на с. 31 дис.) происходит *исключительно* по свободному волеизъявлению женщины. Согласно словарю русского языка, *реализовать* – значит *осуществлять, исполнять*. Диссертант в п. 1.1 (с. 12) положений, выносимых на защиту, верно отмечает, что *реализация* женщиной репродуктивного права осуществляется двумя способами: 1) планирование беременности и рождение детей, 2) искусственное прерывание нежелательной беременности. Однако в последнем случае *реализация* этого права осуществляется путем искусственного прерывания беременности, совершенного в правовом поле (по общему правилу при сроке беременности до 12 недель). Основанием же включения уголовного-правового механизма являются нарушения, препятствующие реализации данного права. Поэтому точнее было бы сказать «в контексте *обеспечения* репродуктивного права женщины уголовно-правовыми средствами».

2. Положительно оценивая в целом результаты проведенного в диссертации сравнительно правового исследования, в то же время отметим, что Виктория Васильевна ограничилась изучением уголовного

законодательства зарубежных стран лишь трех правовых систем: англосаксонской, романо-германской и стран постсоветского пространства, оставив за пределами рассмотрение уголовного законодательства стран религиозной и социалистической правовой системы, однако свою позицию не обосновала. Это в определенной степени ограничило возможность представить более целостную картину рассматриваемого вопроса.

Кроме того, в предложенной на с. 13-14 диссертации (п. 2.2 положений, выносимых на защиту) авторской классификации зарубежных стран в зависимости от подхода каждой страны к обеспечению репродуктивного права женщины допущены, как уже отмечалось, противоречия и неточности. Так, с одной стороны, на с. 99 диссертации соискатель, опираясь на законодательство, справедливо делает вывод, что Аргентина, наряду с Испанией и Польшей, входит в число стран, где запрещено репродуктивное право женщины в части права на искусственное прерывание беременности и аборт допускается лишь в исключительных случаях, а с другой стороны, Виктория Васильевна относит Аргентину, Испанию и Польшу к числу стран, охраняющих репродуктивное право женщины (с. 14 дис.). Получилось, что одни и те же страны вошли в группу государств, отрицающих репродуктивное право женщины и в группу других государств, охраняющих репродуктивное право женщины. Подобный вывод выглядит как противоречие в силу, на наш взгляд, нечетко выраженной мысли автором. В то же время Аргентину, Испанию, Польшу и некоторые другие страны, видимо, следовало выделить в отдельную группу и показать их специфику в подходах к исследуемому вопросу.

3. Поддерживая в принципе предложение Виктории Васильевны о необходимости уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины путем введения в Особенную часть УК РФ самостоятельной главы 16¹ (*Преступления против репродуктивного права женщины*), в то же время считаю, что не все предлагаемые автором проекты статей являются удачными в редакционном плане:

а) так, в статье 125¹ (*Незаконное искусственное прерывание беременности с согласия беременной женщины*) почему-то субъектом преступления выступает только *лицо, не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля*. Однако подобные действия может совершить и медицинский работник, имеющий высшее образование соответствующего профиля, по желанию женщины, но с нарушением закона, например, на поздних сроках беременности (свыше 22 недель) при отсутствии социальных и медицинских показаний женщины. Соискатель дифференцирует ответственность за искусственное прерывание беременности в зависимости от субъекта преступления, но почему – то только применительно к ст. 125² (*Искусственное прерывание беременности без согласия беременной женщины*);

б) применительно к статье 125⁴ (*Понуждение женщины к искусственному прерыванию беременности*) трудно согласиться с позицией

Виктории Васильевны, которая вслед за некоторыми учеными считает, что термин «понууждение» - более широкое понятие по сравнению с принуждением (с. 181 дис.). По своей сути оба термина означают одно и то же – «заставить сделать что-либо». Однако действующий уголовный закон, используя тот и другой термин, различает их между собой, в чем имеется своя логика. Когда речь идет о *принуждении*, то используется более широкий спектр воздействия, включая угрозу применения физического насилия (ч. 1 ст. 179 УК, ч. 2 ст. 309 УК и др.). *Понууждение* же не охватывает собой угрозу причинения физического вреда (ч. 1 ст. 133 УК). А поскольку в содержании предлагаемой статьи 125⁴ речь идет не только об угрозе применения физического насилия, но и о реальном его применении (ч. 3 ст. 125⁴), то точнее было бы говорить о *принуждении женщины к искусственному прерыванию беременности*;

в) по **статье 125³** (*Ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей врачом акушером-гинекологом*) также имеются вопросы. Как известно, в УК РФ нет общей нормы, где субъектом ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей, повлекших определенные негативные последствия, выступает *медицинский работник*. Поэтому, если законодатель пойдет по пути создания подобных специальных норм, исходя из специализации врача (хирург, терапевт, акушер-гинеколог и др.), то это приведет к не оправданной избыточности норм.

Кроме того, Виктория Васильевна на с. 192 диссертации справедливо обозначила важность определения категории преступлений, связанных с незаконным искусственным прерыванием беременности женщины, однако, к сожалению, этот вопрос не получил своего должного аргументированного освещения. Отсюда возникают вопросы и по предлагаемым санкциям. К примеру, за *ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей врачом акушером-гинекологом, повлекшее по неосторожности искусственное прерывание беременности, которое не охватывается понятием «тяжкий вред здоровью»* (с. 163 дис.) предусмотрено максимальное наказание *в виде лишения свободы до двух лет*. В то время как действующий квалифицированный состав, предусмотренный ч. 2 ст. 118 УК, за причинение по неосторожности *тяжкого вреда здоровью* вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей содержит максимальное наказание *в виде лишения свободы до одного года*. Этот пример наглядно показывает, что вопрос определения санкций, предлагаемых автором за криминализируемые деяния, нуждается в более серьезном исследовании.

4. Репродуктивное право женщины охраняется действующим административным законодательством (ст.6.32. КоАП РФ). Однако в диссертации об этом упоминается лишь вскользь. Между тем при разработке теоретической модели уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины соискателю следовало провести сопоставление предлагаемых

Сведения об официальном оппоненте:

1. Нуркаева Татьяна Николаевна
2. Доктор юридических наук (юридические науки, 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право), профессор
3. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», профессор кафедры уголовного права и криминологии
4. Основные публикации официального оппонента по теме диссертации за последние 5 лет:

1. *Нуркаева Т.Н.* Нормы с административной преюдицией и уголовные проступки, их соотношение // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2019. Т. 11, № 1. С. 33-37.

2. *Нуркаева Т.Н.* Преступления против прав ребенка по уголовному праву Йеменской Республики и Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 3 (85). С. 40-44.

3. *Нуркаева Т.Н., Диваева И.Р.* Положения статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации вновь претерпели изменения // Евразийский юридический журнал. 2019. № 8 (135). С. 184-186.

4. *Нуркаева Т.Н.* Положения части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации вызывают возражения // Актуальные проблемы уголовного законодательства и практики применения его норм: сб. науч. тр. всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию Казанского юридического института МВД России. Казань: Изд-во Казан. юрид. ин-та МВД России, 2019. С. 74-78.

5. *Нуркаева Т.Н.* Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. 470 с.

6. *Нуркаева Т.Н.* Проблемы освобождения от наказания в связи с изменением обстановки // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 4. С. 92-96.

7. *Нуркаева Т.Н.* Общественная опасность квалифицированных видов неосторожных преступлений, связанных с причинением смерти человеку, и ее влияние на определение категории преступлений // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XIX междунар. науч.-практ. конф. (20-21 января 2022 г.). М.: Блок-Принт, 2022. С. 653-657.

8. *Нуркаева Т.Н., Артамонова М.А.* К вопросу о толковании малолетнего возраста потерпевшего в российском законодательстве и науке уголовного

права (на примере преступлений против личности) // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина (посвященная принятию Всеобщей декларации прав человека): сб. матер. междунар. конф. (8 декабря 2022 г.) / под общ. ред. В.М. Флочи. Уфа: Изд-во Уф. юрид. ин-та МВД России, 2022. С. 12-16.

9. *Нуркаева Т.Н.* Противоречия закона, теории и судебной практики по отдельным вопросам квалификации убийства, насильственных половых преступлений, преступлений против свободы и личной неприкосновенности // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 2. С. 79-84.

10. *Нуркаева Т.Н.* Вопрос о совершенствовании законодательной конструкции состава убийства матерью новорожденного ребенка по-прежнему актуален // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 4. С. 90-94.

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Бурцевой Виктории Васильевны
«Искусственное прерывание беременности в контексте реализации
репродуктивного права женщины: уголовно-правовой аспект»,
представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук
по специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки

Работа В.В. Бурцевой представляет собой законченное научное исследование по актуальной проблеме уголовного права, содержащее обоснованные выводы и рекомендации, обладающие научной новизной и практической значимостью.

Автором выбран малоизученный, несмотря на несомненную важность, вопрос содержания и способов реализации репродуктивного права женщины, его охраны уголовным законом в ракурсе регламентации ответственности за искусственное прерывание беременности. Репродуктивные аспекты в целом мало исследуются в качестве интересов, защищаемых уголовным законом. При том, что именно в указанной отрасли в силу специфики имеющихся средств возможна и необходима адекватная правовая оценка нарушений в области основополагающих благ. Искусственное прерывание беременности является одним из значимых компонентов реализации репродуктивных прав как свободы выбора в сфере воспроизводства потомства и взаимосвязанных процессов. В то же время позиция законодателя в области криминализации посягательств в обозначенной области достаточно неоднозначна: не в полной мере учитывает медицинские аспекты, варианты вредоносных деяний, что негативным образом сказывается на реализации целей и задач уголовного закона и уголовно-правовой политики в целом, обеспечении надлежащей защиты значимых прав и интересов в частности.

В.В. Бурцева в рамках обоснования актуальности темы исследования аргументированно оперирует положениями Стратегии национальной безопасности, основными направлениями демографической политики РФ,

статистическими данными. Автор обоснованно отмечает отсутствие системного подхода в рассматриваемой области в действующем уголовном законе; доказывает необходимость установления репродуктивного права женщины в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны.

В рамках современной общегосударственной политики невозможно игнорировать необходимость надлежащего уровня защиты репродуктивных прав. В то же время действующий уголовный закон в данной сфере характеризуется множеством пробелов и недочетов, которые были обозначены и исследованы в представленной работе на примере установления ответственности за преступные вариации производства искусственного прерывания беременности.

Представленные в работе выводы, рекомендации и предложения достаточно обоснованы. Автор полноценно исследовал международные и национальные нормативно-правовые акты, касающиеся изучаемых вопросов; рассмотрел подходы зарубежных законодателей. В работе исследована эволюция регламентации ответственности за искусственное прерывание беременности; представлено видение религиозно-нравственных основ изучаемого вопроса. В.В. Бурцевой проанализирован большой объем актуальных источников нормативно-правового, научного, справочного характера; исследована правоприменительная практика в изучаемой области.

Также автором проведен социологический опрос различных категорий граждан по вопросам, входящим в предмет исследования, результаты которого наглядно представлены в приложении к диссертации.

Работа обладает научной и практической значимостью. На основе проведенного исследования диссертантом предложены модификации действующего законодательного подхода в рассматриваемом вопросе: введение новой главы в УК РФ, учитывающей специфику специального объекта – репродуктивного права женщины; внесение изменений в нормативно-правовой

акт специализированного характера – федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

В.В. Бурцевой представлены предложения *de lege ferenda*, направленные на совершенствование действующего законодательства в исследуемой области.

Рассмотренные проблемы, авторская интерпретация анализируемых обстоятельств углубляют и расширяют теоретические воззрения в области обеспечения репродуктивных прав женщины, уголовно-правовой защиты реализации права на надлежащее проведение искусственного прерывания беременности как важного компонента обозначенного права.

Представленные выводы и рекомендации имеют выраженную практическую направленность, могут быть использованы в нормотворческой и правоприменительной деятельности, в научно-исследовательских работах в рассматриваемой области.

Структура работы логична и последовательна, обусловлена объектом, предметом, целью и задачами исследования. Представленная работа состоит из введения, трех глав, включающих семь параграфов, заключения, списка использованных источников и приложений.

Содержащиеся в диссертации суждения надлежащим образом аргументированы. Примененные автором приемы и способы исследования обеспечили репрезентативность, достоверность и обоснованность полученных результатов.

Апробация итогов исследования представляется вполне достаточной и отвечающей установленным требованиям. Опубликованные В.В. Бурцевой научные статьи отражают основные положения диссертационного исследования.

В качестве основных положительных моментов диссертационного исследования можно отметить следующие аспекты. В рамках первой главы В.В. Бурцевой разработано авторское определение репродуктивного права

женщины, обозначены способы его практического воплощения: планирование и рождение детей; искусственное прерывание нежелательной беременности.

Отдельного внимания заслуживает анализ религиозно-нравственных аспектов искусственного прерывания беременности. Данный вопрос, несомненно, уместен и обоснован с учетом специфики темы исследования. Автором изучена специфика подходов ключевых мировых религий (христианство, ислам, буддизм) к решению вопросов, связанных с искусственным прерыванием беременности, представлены обобщающие выводы.

Во второй главе рассматривается специфика подходов зарубежных законодателей к уголовно-правовой охране репродуктивных прав женщины с учетом особенностей различных правовых систем (романо-германской, англосаксонской, стран постсоветского пространства). На основе проведенного анализа приводятся отличительные компоненты. Полученные результаты представляются значимыми с точки зрения учета негативных и позитивных аспектов в рамках совершенствования норм отечественного законодательства в исследуемой области.

В рамках третьей главы В.В. Бурцева исследует основные этапы становления защиты уголовным законом репродуктивных прав женщин в России; анализирует основные проблемы действующего УК РФ в рассматриваемом вопросе; предлагает пути совершенствования законодательного и правоприменительного подходов.

Следует отметить обоснованность авторских предложений в области необходимости учета согласия женщины на производство аборта; надлежащего исполнения профессиональных обязанностей врачом; отдельной оценки понуждения к осуществлению указанной операции.

Видятся целесообразными рекомендации диссертанта относительно установления квалифицирующих признаков искусственного прерывания беременности:

- особенности субъекта преступления: специальный образовательный статус;
- медицинские критерии: срок беременности свыше 22 недель;
- статусные особенности потерпевшей: несовершеннолетний возраст;
- способ совершения: использование средств СМИ/сети «Интернет» (для понуждения к аборту);
- последствия: тяжкий вред здоровью/смерть (по неосторожности).

Вариации статусных особенностей субъекта и потерпевшего существенным образом сказываются на характере и степени общественной опасности содеянного, однако в настоящее время законодателем соответствующим образом не учитываются.

Искусственное прерывание беременности имеет явную привязку к специализированным медицинским документам, устанавливающим критерии законности/незаконности данной операции, игнорируемые, тем не менее, в действующем уголовном законе.

Публичный способ понуждения к чему-либо, наступление дополнительных тяжких последствий преступного деяния, несомненно, должны получать отражение в правовой оценке содеянного.

К числу положительных аспектов представленной работы следует также отнести рекомендации по изменению общеправового подхода к защите репродуктивных прав женщины: обозначение в законе права выбора, обязательность преабортивного консультирования.

Стиль и грамотность изложения соответствуют требованиям, предъявляемым к данному виду работ.

Вместе с тем в представленном исследовании можно обозначить и ряд дискуссионных моментов.

1. При рассмотрении религиозно-нравственных основ реализации репродуктивного права женщины в контексте искусственного прерывания беременности (второй параграф первой главы диссертации) основное внимание уделено христианским догматам в указанной области. Учитывая значимость сравнительного анализа и требования к его результатам, хотелось бы видеть равноценное по объему изучение подходов мировых конфессий.

2. Обоснованно отметив в начале второй главы диссертации значимость сравнительного анализа различных правовых систем, автор недостаточно аргументирует выбор таких их разновидностей, как романо-германская, англосаксонская правовые системы и правовая система стран постсоветского периода. Приводятся различные взгляды исследователей на дифференциацию правовых систем, однако избранный автором в конечном итоге подход недостаточно обоснован, хотя в рамках исследуемой темы представляется логичным.

3. Возникают и некоторые вопросы относительно предлагаемых законодательных нововведений:

- формулируя новые составы преступного нарушения репродуктивного права женщины в ракурсе осуществления искусственного прерывания беременности, автор не учитывает в качестве криминообразующих признаков медицинские критерии производства аборта (только в специализированных медицинских учреждениях, врачами со специальной подготовкой, отсутствие противопоказаний и др.). Представляется, что в силу содержательных особенностей диспозиции уголовно-правовых норм о преступлениях, связанных с искусственным прерыванием беременности, имеют явный отсылочный характер, а потому должны учитывать соответствующие медицинские критерии. Действующий законодатель фактически игнорирует обозначенный аспект. В.В. Бурцева предлагает учет только срока беременности в качестве

квалифицирующего признака составов искусственного прерывания беременности без согласия беременной женщины (ст. 125²) и понуждения женщины к искусственному прерыванию беременности (ст. 125⁴). Хотя проведение указанной операции, например, в ненадлежащих условиях также нарушает реализацию репродуктивного права женщины как категории, тесно связанной с репродуктивным здоровьем (аспект данной взаимосвязи отмечен и самим диссертантом на с. 24, 27, 28);

- не совсем понятно, почему квалифицирующий признак «срок беременности свыше 22 недель» не учтен в предлагаемом составе искусственного прерывания беременности с согласия женщины (ст. 125¹). Представляется, что обозначенный диссертантом статус субъекта (лицо, не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля) не оправдывает невозможность ужесточения для него ответственности по указанному признаку. Беременная женщина в силу различных причин может выразить свое согласие на производство аборта на большом сроке беременности (особенно с учетом того, что она обратилась не к специалисту), исполнитель же, даже в отсутствие специализированного образования, должен понимать повышение рисков в подобных случаях и нести адекватную ответственность;

- дискуссионным видится ограничение способа понуждения женщины к искусственному прерыванию беременности, состоящего в «угрозе применения физического насилия, а равно распространения сведений, позорящих честь и достоинство беременной женщины, или иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшей» (ст. 125⁴). Представляется, что психическое насилие не менее действенно в рассматриваемых ситуациях, при этом оно не сводится исключительно к угрозе распространения позорящей/вредоносной информации. Возможно, использование в ч. 1 разработанной диссертантом ст. 125⁴ более общего термина «угроза применения насилия» (т.е. как физического, так и психического

характера) в большей степени способствовало бы защите репродуктивного права женщины в обозначенном аспекте.

Отмеченные замечания носят дискуссионный характер и не снижают общей положительной оценки представленного диссертационного исследования В.В. Бурцевой. Работа выполнена на высоком уровне, содержит аргументированные варианты совершенствования законодательного и правоприменительного подходов в области уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщин.

Содержание автореферата соответствует структуре диссертации и отражает основные положения проведенного исследования.

Диссертационное исследование В.В. Бурцевой «Искусственное прерывание беременности в контексте реализации репродуктивного права женщины: уголовно-правовой аспект» полностью соответствует абз. 2 п. 9 и иным требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842. Оно является самостоятельной, завершенной научно-квалификационной работой, в которой предложены варианты решения научной задачи по охране репродуктивного права женщины уголовно-правовыми средствами, имеющей значение для развития теории и отрасли уголовного права. Автор диссертации Бурцева Виктория Васильевна заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Официальный оппонент –
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Владивостокского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент

250001
27.11.2024
Кристина Владимировна Дядюн
Д.О. Петухова

Сдается за печать
Начальник
по работе с персоналом

Сведения об официальном оппоненте:

1. Дядюн Кристина Владимировна
2. Кандидат юридических наук (юридические науки, 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право), доцент
3. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владивостокский государственный университет», доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
4. Основные публикации официального оппонента по теме диссертации за последние 5 лет:

1. *Дядюн К.В.* Конституционный принцип равенства: проблемы реализации в уголовном законодательстве // Практика и проблемы реализации конституционных основ российского законодательства: сб. ст. науч.-практ. конф. Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. ун-та экономики и права, 2019. С. 76-80.

2. *Дядюн К.В.* Административная преюдиция в уголовном законодательстве: анализ целесообразности // Законодательство. 2020. № 6. С. 68-72.

3. *Дядюн К.В.* Изнасилование: вопросы регламентации ответственности // THEORIA: педагогика, экономика и право. 2021. № 1(2). С. 80-87.

4. *Дядюн К.В.* Изнасилование: проблемы квалификации // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: всерос. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во Вост.-Сиб. ин-та МВД России, 2021. С. 47-54.

5. *Дядюн К.В.* Понуждение к действиям сексуального характера: проблемы толкования и применения состава // Lex Russica (Русский закон). 2021. № 9. С. 54-66.

6. *Дядюн К.В.* Регламентация ответственности за неосторожное причинение смерти: сравнительно-правовой анализ законодательства стран СНГ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11. С. 83-88.

7. *Дядюн К.В.* Вопросы толкования и применения категории «иные тяжкие последствия» применительно к половым преступлениям // Российский следователь. 2024. № 3. С. 28-31.

8. *Дядюн К.В.* Изнасилование, сопряженное с совершением других тяжких или особо тяжких преступлений против личности: вопросы квалификации // Lex Russica (Русский закон). 2024. № 5. С. 96-106.